

О. Н. ЧАРЫКОВА
(Воронеж)

О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ГЛАГОЛА

В генетическом плане первично имя. В диахронии идет постепенный процесс усиления позиции глагола в языковой картине мира. В синхронии в системе глагол *отражает* отношения между субстанциями, то в тексте, дискурсе он их *формирует*, создавая каркас будущего высказывания.

Ключевые слова: дискурс, имена существительные, глаголы, языковая картина мира, языковая система.

В последние годы в русле когнитивной лингвистики разрабатывается новый подход к изучению частей речи — когнитивно-дискурсивный. Данный подход предполагает, что части речи трактуются, с одной стороны, как категории, объективирующие и называющие определённые когнитивные структуры (соответствующие фрагментам воспринятой действительности), а с другой — рассматриваются в плане выполняемых ими функций в составе высказывания и текста.

На современном этапе развития науки бесспорным представляется тот факт, что эмпирическая категоризация внеязыковых сущностей объективируется в грамматической категоризации слов и осуществляется при её посредстве (Болдырев 1995). В частях речи отразился процесс первичной категоризации совокупности представлений, которые получает человек при освоении мира. Характеристики этих категорий обуславливаются в первую очередь тем, для отражения какой структуры знаний они были созданы и какие концепты стоят за ними.

Чрезвычайно важным в картине мира представляется концепт «действие», поскольку именно через действие человек вступает в активные отношения с реальностью. В лингвистике понятие действия ассоциируется, прежде всего, с глаголом, его семантическими типами и грамматическими категориями. В традиционной грамматике термин

«действие» обычно употребляется как обобщенное наименование для всех значений, выражаемых глаголом. Смысл описания глагола с когнитивной точки зрения заключается, по определению Е. С. Кубряковой, в стремлении определить, «к наречению каких сущностей он приспособлен, какие структуры знания стоят за ним, какая информация вербализуется при подведении ее под тело такого знака, как глагол» (Кубрякова 1992: 84).

Информация, передаваемая глаголом, имеет, как и вся концептуальная картина мира, гносеологические корни в определенных когнитивных структурах, порождаемых пространственным опытом. Обыденное сознание воспринимает объекты окружающего мира в пространственном отношении к другим объектам, автоматически противопоставляя фигуру и фон. Как только визуальное восприятие фиксирует изменения в пространственном соотношении фигуры и фона, наблюдатель трактует данную ситуацию как ситуацию перемещения. «Глагол рождался как единица хронотопная, совмещающая в своем значении как идею траектории движения в пространстве, так и идею процессуальности и причинности, течения во времени с разными его фазовыми характеристиками» (Кубрякова 1996: 222). Таковы когнитивные основания становления данной категории в диахроническом аспекте.

Применительно к роли глагола в построении высказывания, как известно, существуют две концепции: вербоцентрическая и предметноцентрическая. Истоки первой восходят к В. фон Гумбольдту, который считал глагол «нервом языка» и утверждал, что все основные слова в предложении подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь (Гумбольдт 1984: 199). В отечественном языкознании мысль об исключительной роли глагола в предложении всячески подчеркивал А. А. Потебня, говоря о том, что «глагол создает предложение». По его мнению, наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов (Потебня 1958: 83–88). Подобное утверждение высказывает и А. А. Дмитриевский: «...предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами» (Цит. по: Храковский 1983: 115). Эта точка зрения развивается и всесторонне обсуждается в работах многих отечественных лингвистов (см., например: Пешковский 1956; Распопов 1958, 1981; Кацнельсон 1974; Золотова 1982; Сентенберг 1992, Лебедева 2000 и другие).

В зарубежной лингвистике вербоцентрическая концепция связана прежде всего с именем Л. Теньера (Теньер 1988). Интересными являются современные представления, основанные на логико-лингвистических исследованиях Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Г. Райла и других ученых, согласно которым мир состоит не из «вещей», размещенных в пространстве, а из «событий», или «фактов». При этом событийный мир предстает как совокупность актуального мира и всех альтернативных миров. Аналогичная мысль утверждается и в физике: «...Мир нормального человеческого существа не есть калейдоскопический ряд чувственных впечатлений, а осмысленная, непрерывно меняющаяся арена событий» (Борн 1963: 281). Событие в конечной вербализации обычно представлено глаголом.

Подобное понимание лежит в основе определения роли глагола в процессе порождения речи у С. Д. Кацнельсона. Согласно его утверждению, на первичной фазе формирования речемыслительного процесса поток активированных элементов сознания членится на отдельные кадры, каждый из которых отражает отдельное событие или состояние. Средством членения потока мысли на отдельные кадры являются реляционные предикаты и необходимые для их конкретизации формальные понятия или значения. Возникающие из сочетаний реляционных предикатов и значений пропозиции являются матрицами, на базе которых постепенно складываются предложения (Кацнельсон 1984: 5). Роль глагола в порождении высказывания подчеркивает и Н. Д. Арутюнова, говоря о том, что выбор слова невозможен безотносительно к конструкции, задающей его синтаксический характер, а выбор конструкции неосуществим без предварительной фиксации лексических элементов, в частности, глагола, предопределяющего конфигурацию актанта (Арутюнова 1972: 290).

Иную точку зрения высказывает Е. С. Кубрякова, которая считает исходным в порождении речи процесс номинации. На ее взгляд, акты речи начинаются с обозначения определенных элементов будущего высказывания. В качестве довода в пользу выделения актов номинации как явлений, примарных для речевой деятельности в целом и для феноменов, связанных с предикацией, она приводит факт существования на ранних этапах развития языка односоставного предложения. Тема и рема в нем еще не разведены, субъект и приписываемый ему признак не противопоставлены и по отдельности не обозначены. Синтаксиса между ними еще нет. О генетическом приоритете номинативного компонента свидетельствуют и исследования развития речи ребенка. Он начинает говорить «названиями» (Кубрякова 1984: 16, 20). На предметно-центрический характер системы

частей речи указывает также С. А. Жаботинская (Жаботинская 1997: 28–29). А. В. Кравченко тоже считает, что «предмет» и «место» являются теми исходными (первичными) концептами, из которых затем развиваются все остальные, образуя концептуальную систему языка (Кравченко 1997: 41). Глагол же, становясь носителем идеи непрерывности, отражает связи между отдельными субстанциями, названными именами, он не только указывает на отношения между предметами, но и называет эти отношения.

Интересный взгляд на рассматриваемую проблему представлен в работе Д. И. Руденко, который исследует соотношение имени и глагола с точки зрения лингвофилософских парадигм. Он считает, что имя наиболее отчетливо воплощает в себе некоторые свойства слова как базисной единицы языка, прежде всего — способности к отчетливому членению континуума действительности (Руденко 1992: 25). В статье прослеживается историческая смена лингвофилософских парадигм от философии имени к философии предиката и далее к прагматической философии. Хотя еще в работах классиков «новой науки» (например, у Декарта, Локка) можно обнаружить формулировки, имеющие отчетливо предикатную, «синтаксическую» направленность (Там же: 29), по мысли Ю. С. Степанова, философия предиката в развитом виде сформировалась только к началу 20-го века: «В течение 20–30 лет, на рубеже веков, создалась новая картина языка, соответствующая новой картине мира и ее философским константам. Прежде всего, она отвечала, несколько отставая от них, новым физическим представлениям о мире» (Степанов 1985: 125). Таким образом, смена лингвофилософских парадигм в диахронии обусловлена изменениями в восприятии мира, сменой мировоззрений и социокультурных типов мышления.

Осмысление представленных точек зрения позволяет прийти к следующим соображениям.

1. В плане генетическом бесспорным представляется примат имени.

2. В диахронии идет постепенный процесс усиления позиции глагола в языковой картине мира, что обусловлено постепенным расширением практического познания и теоретического осмысления свойств объектов окружающей действительности, процессов их взаимодействия между собой, а также (вероятно, в первую очередь) процессов взаимодействия между субъектом и объектами внешней среды. В результате эволюции глагол приобретает способность свертывать информацию о времени, о пространстве, включать в обозначение процесса представление о субъекте действия, его

объекте и/или инструменте, т. е. имплицировать ситуацию. В этом плане и Е. С. Кубрякова не может не признать значимости рассматриваемой категории, указывая: «...Глагол представляет собой в принципе нечто вроде метонимического обозначения тех когнитивных характеристик, которые были получены при наблюдении за разными видами движения и которые сами отразили репрезентацию и осмысление протекания движения во времени и пространстве. Именно в этом заключается смысл определения глагола как процессуального признака, способного метонимически восстанавливать гораздо более сложные и развернутые структуры в нашей памяти, *создавая каркас будущего высказывания*» (курсив мой — О. Ч.) (Кубрякова 1992: 89–90).

3. Применительно к синхронии, вероятно, следует говорить, с одной стороны, о системе языка, с другой — о дискурсе. Если в системе глагол *отражает* отношения между субстанциями, то в тексте, дискурсе он их *формирует*, создавая каркас будущего высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1972.
- Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: Монография / Н. Н. Болдырев. — С. Петербург — Тамбов, 1995.
- Борн М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. — М.: Изд — во иностр. лит., 1963.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984.
- Жаботинская С. А. Части речи и распаковка смыслов семантического континуума Бытия / С. А. Жаботинская // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации). — М.: ИЯ РАН, 1997. — С. 25–31.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — М.: Наука, 1982.
- Кацнельсон С. Д. О грамматической семантике / С. Д. Кацнельсон // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл. и сообщений пленарных заседаний. М.: ИЯ АН СССР, 1974. — С. 66–76.
- Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы / С. Д. Кацнельсон // ВЯ. — 1984. — № 4. — С. 3–12.
- Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд — во Иркутского ун-та, 1991.
- Кубрякова Е. С. О номинативном компоненте речевой деятельности / Е. С. Кубрякова // ВЯ. — 1984. — № 4. — С. 13–22.
- Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Наука, 1992. — С. 84–90.

- Кубрякова Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Е. С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. статей. — М.: Наука, 1996. — С. 218–224.
- Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов (на материале русских префиксальных глаголов): автореф. дис. ...док. филол. наук / Н. Б. Лебедева. — Томск, 2000.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении А. М. Пешковский. — М.: Учпедгиз, 1956.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. — М.: Учпедгиз, 1958.
- Распопов И. П. К вопросу о предикативности / И. П. Распопов // ВЯ. — 1958. — № 5. — С. 70–75.
- Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса / И. П. Распопов. — Ростов–на–Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1981.
- Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры / Д. И. Руденко // ВЯ. — 1992. — № 6. — С. 19–35.
- Сентенберг И. В. Категориальная лексико-семантическая парадигма глагола и матрица глагольного словозначения / И. В. Сентенберг // Языковые парадигмы и их функционирование. — Волгоград: Перемена, 1992. — С. 15–25.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1985.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — М.: Прогресс, 1988.
- Храковский В. С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании / В. С. Храковский // ВЯ. — 1983. — № 3. — С. 110–117.

Summary

O. N. Čarikova

COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO THE VERB STUDY

Genetically substantives are primary in language, but diachronically verbs strengthen their position in language world picture. Synchronically verbs reflect relations between substances in language system and form these relations in discourse.